

Andre Gide's life philosophy: "Russian Trace"

[Философия жизни Андре Жида: «русский след»]

Elena B. Savelyeva – Elena A. Lineva – Tatiana G. Yusupova

DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.15

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению веры: религиозной, духовной, коммунистической знаменитого французского романиста, критика, литературоведа Андре Жида в контексте творчества великого русского писателя Ф.М. Достоевского. А также его общению с известным отечественным философом и гуманистом Н.А. Бердяевым. Речь также идет о принятии Жидом идей коммунизма, в том числе в связи с его симпатией к новому общественному строю, установленному в России в 30-х и 40-х годах XX столетия. Авторы размышляют о причинах побудивших А. Жида стать ярым защитником и сторонником, признанным знатоком гуманистического наследия Достоевского, популяризирующего мировоззренческие концепции русского философа.

Ключевые слова: философия, вера, религия, мировоззрение, коммунизм

Введение

Философско-духовная проблематика творчества французского писателя Андре Жида (1869-1951), его вклад в историко-литературный процесс, как во Франции, так и за ее пределами несомненен и общепризнан. Жанровый диапазон – поэзия, проза, эссеистика, драматургия, публицистика, критика, в котором проявился талант писателя, многообразен и полифоничен.

Философские, этические, эстетические, политические взгляды человека и гражданина, на протяжении всего творческо-созидательного периода, так или иначе, претерпевали изменения, что оставалось неизменным, так это нравственно-гуманистическая основа его мировоззрения.

В советский период моралистический аспект творчества Андре Жида признавался с оговорками, его влияние на умы западной интеллигенции расценивалось как пагубное, как проповедь индивидуалистической философии и психологии. Называя А. Жида «однодневкой, бившейся в мутное стекло», увидев в нем «врага ... с нечистой совестью» (*Literaturnaja gazeta*, 1936), из-за того, что он не смог скрыть правду об СССР сталинского периода, правящий режим отказал ему, как и многим другим зарубежным деятелям искусств, в праве иметь достойную и благодарную аудиторию на территории Советской России. Критико-аналитический ум писателя-моралиста европейского масштаба подвергся жесткой обструкции, путь к российскому читателю был заказан.

Вполне типичный случай «изъятия» из общего историко-литературного процесса, как личностей художников слова, так и их произведений, без сомнения обеднил отечественную культуру и не смог дать полное представление о художественной и интеллектуальной жизни на Западе. Вместе с тем, по свидетельству Ильи Эренбурга, считавшего Андре Жида «блистательным стилистом, писателем большой эрудиции», в Европе в период между двумя мировыми войнами позиционировали как «учителя», как «совесть эпохи, чуть ли не пророка» (Jerenburg, 2005). Конечно, масштабная фигура А. Жида, как и его творчество во многом не однозначны и противоречивы, что непосредственным образом сказалось на личной судьбе автора. Однако многое

из недостойного и аморального претило натуре писателя, его взглядам, убеждениям, ценностям, воспитанию. Именно поэтому он сам и его талант завоевывали умы и сердца одних и отвергались другими.

Будучи уверенными в необходимости нового подхода в анализе и интерпретации творческого наследия Жида, пронизанного гуманистическим и нравственным началом, отражающего внутренний мир писателя-моралиста, данной работой авторы предпринимают попытку осветить вопрос веры Андре Жида, веры в Бога, в человека, в справедливость и добро в контексте его связи с русской культурой и литературой, отношения к России советских времен.

Актуальность

Тот факт, что в отечественном литературоведении и истории литературы фундаментальных работ, посвященных творческому наследию Андре Жида, раскрывающих нелегкий путь становления художника слова, эволюцию его философских взглядов не так много – объяснимо. Распространяется он и на дореволюционное время, и на советскую эпоху, и на труды литературных критиков и историков наших дней. К числу первых, заслуживающих внимания публикаций, следует отнести работы К. Мочульского «Кризис воображения» (Mochulskij, 1999), Л. Аннибал «В раю отчаяния» (Annibal, 1904), И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» (Jerenburg, 2005).

Масштаб личности Андре Жида, его вклад в художественное своеобразие литературы начала XX века отражены в книге А.И. Владимировой «Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже веков (1890-1914)» (Vladimirova, 1976). В работах известного историка литературы Франции З.И. Кирнозе расставлены акценты на авторский почерк писателя и его вклад в трансформацию субъективированного повествования, прежде всего, в монографии «Французский роман XX века (Годы 20-30-е. Проблема жанра)» (Kirnoze, 1977).

Ряд биографических и полемических сведений о писателе можно найти в трудах С.И. Великовского «Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю», «В поисках утраченного смысла». Очерки литературы трагического гуманизма во Франции» (Velikovskij, 2015), Н.Ф. Ржевской «А. Жид» в «Истории всемирной литературы», изданной в девяти томах (Rzhevskaja, 1994), в первой части библиографического словаря «Зарубежные писатели», под редакцией Н.П. Михальской, написанной З.И. Кирнозе (Kirnoze, 1997).

Исследователи наших дней также стремятся выразить свое видение и отношение к проблематике творчества Андре Жида, его стилю, в том числе языковому. Так, например, в одной из первых постсоветских диссертационных работ Е.Г. Баранова обозначила проблему автора периода раннего творчества А. Жида в исследовании «Проблема автора в раннем творчестве Андре Жида 1891-1901» (Baranova, 2003), Зусева В.Б. в ряде своих научных трудов, прежде всего, в статье «Фальшивомонетки» А. Жида: роман автора и роман героя» (Zuseva, 2006), а также Суслова И.Г. в диссертации «Типология 'романа о романе' в русской и французской литературе 20-х годов XX века» (Suslova, 2006) обозначили литературоведческую проблематику: Андре Жид-романист. Т.Н. Красавченко опубликовала свои заметки «Жид (Gide) Андре (1869-1951)» в широко известном сборнике «Литературная энциклопедия русского зарубежья» (Krasavshenko, 2012). К числу заслуживающих внимания относятся докторская диссертация Гринштейна А.Л. «Маскарадность и французская литература XX века», в которой грани таланта писателя представлены в анализируемых соти «Подземелья Ватикана» и романа «Фальшивомонетки» (Grinshtejn, 1999) и диссертационное исследование Губаревой М.С. «Темы и образы декаданса (Й.-К. Гюисманс, О. Уайльд, А. Жид: опыт сопоставительного анализа)» (Gubareva,

2005), О.А. Дубняковой, в том числе в соавторстве с В.Н. Кашиной «Писательский голос в личных дневниках: А. Жид, П. Клодель, Ф. Мориак» (Dubnyakova, 2014; Dubnijakova, Kashina, 2016), весомый вклад в понимание религиозных воззрений Жида вносит работа профессора О.В. Тимашевой «Библейские сюжеты и евангельские мотивы у Андре Жида», опубликованная в книге «От Рабле до Уэльбека» (Timasheva, 2011).

Особый взгляд на Жида, как почитателя и популяризатора таланта великого Достоевского отражен книге Г.М. Фридлендера «Достоевский и мировая литература» (Fridlender, 1985), в диссертациях Милёшина Ю.А. «Достоевский и нравственные проблемы во французском романе (Miljoshin, 1974) и В.В. Ерофеева «Достоевский и французский экзистенциализм» (Erofeev, 1975), а также в монографии С.Л. Фокина «Фигуры Достоевского во французской литературе XX века» (Fokin, 2013:97-116). К дискуссионным публикациям наших дней стоит отнести статьи С.А. Петровой «Андре Жид об отражении русской языковой картины мира в произведениях Ф.М. Достоевского» (Petova, 2009), В.Б. Зусевой «Мотивы и сюжетные функции персонажей «Бесов» Ф.М. Достоевского в романе «Фальшивомонетки» Андре Жида» (Zuseva, 2006). В работах, «Писатель, «собравший русское сердце»: французские критики рубежа XIX-XX вв. о Ф.М. Достоевском» и «Голос» природы у Ф.М. Достоевского и Андре Жида: к поэтике принципа тройственной полифонии», опубликованных автором М.В. Дубинской, отводится значительное место восприятию русского философа А. Жидом в контексте отношения к творчеству Достоевского во Франции (Dubinskaja, 2014, 2015). Писательская личность Андре Жида в новом, неосвещенном ранее ракурсе, предстает в статье профессора А.Г. Вишнякова «Достоевский и французские писатели XX века» (Vishnjakov, 2013).

К одним из самых заметных информирующих материалов относятся публикации А.М. Илюковича «Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской Премии по литературе» (Iljukovich, 1992), переводчика и составителя двух изданий французского автора В.А. Никитина (Nikitin, 1991), а также вступительные статьи и послесловие к сборникам избранных произведений Андре Жида Л.Н. Токарева (Tokarev, 1993), именно в них популярным языком постсоветскому читателю заслужено открываются сочинения знаменитого писателя. Об особенностях отношения писателя к Советской России в предисловии «Анатомия таких разных убеждений» к сборнику «Два взгляда из-за рубежа» размышляет известный журналист Альберт Плутник (Plutnik, 1990).

К трудам, анализирующим творчество с позиций лингвистической науки следует отнести диссертационное исследование Е.Б. Савельевой «Дейксис и анафора как элементы актуализации авторской позиции (на материале автобиографической прозы Андре Жида)» (Saveleva, 2014), научную статью Савельевой Е.Б. и Линевой Е.А. «Автор в художественной коммуникации» (Saveleva, Lineva, 2015) монографию Савельевой Е.Б. и Рыжовой Л.П. «Дейксис и анафора в дискурсивном пространстве автобиографической прозы Андре Жида» (Saveleva, Ryzhova, 2016).

Неоспоримо, что французская литературоведческая и критическая мысль представляет исследователям жизненного и творческого пути Андре Жида уникальную возможность и обширный материал для знакомства с новыми гранями философско-моралистического таланта, страницами биографии Андре Жида. Ряд публикаций зарубежных исследователей свидетельствует о не проходящем интересе к личности писателя. Перу авторитетных имен в среде научной и творческой интеллигенции, принадлежат критико-аналитического исследования, в которых авторы отстаивают свои точки зрения на указанную

проблему. К самым известным именам критиков, историков и литературоведов, без которых нельзя представить современную «жидиану» следует отнести, прежде всего, П. де Буадеффра (Boisdeffre P. de), Р. Бастиде (Bastide R.), А. Гуле (Goulet A.), Ж. Деле (Delay J.), К. Манна (Mann K), К. Мартена (Martin C.), Д. Мутона (Moutote, D.), М. Сагаер (Sagaert M.), П. Шнидера (Schnyder P.) и многих других, чей вклад в историю становления Андре Жида как художника слова, общественного деятеля, новатора и просто человека, неосценим и признан собратьями по литературному цеху. Огромный вклад в популяризацию и изучение всех граней таланта писателя принадлежит фонду друзей Андре Жида, до недавнего времени руководимого его дочерью Катрин Жид (Gide C.).

Вместе с тем роль писателя, как идейного деятеля и вдохновителя крайне актуальна и важна для познания творческого процесса в целом, для формирования мировоззренческих ценностей и установок в частности. Мир автора – художественный, духовный, внутренний это его сознание, мировоззрение и вера, как и у любого человека, живущего в полифоничном, поликультурном, полилингвальном мире (Birova, 2013a, 2013b).

Представляется абсолютно бесспорным, что поначалу склонный к противоречиям во взглядах Жид не находит опоры ни в безбожнике Ницше, ни в католицизме. На западе, написан ряд серьезных работ, посвященных отношению Жида к религии. Нам представляется, что эта тема достаточно объемна для исследования, освятить ее в рамках одной работы невозможно, она требует специального изучения. Мы наметим ключевые моменты в эволюции религиозной мысли и веры писателя, связанные с Ницше, Уайльдом, Клоделем и, конечно, Достоевским и Бердяевым. Сочетание этих имен демонстрирует философскую, психологическую, этическую сложность творчества самого Андре Жида.

Цель

Андре Жид всегда проявлял собственный, независимый ни от кого взгляд по вопросам христианской веры, имея при этом непростые отношения с церковью, как социальным институтом. Их интерпретация до некоторой степени позволяет судить о серьезном отношении писателя к религии, изучение истории которой приводят писателя к гениальному наследию великих мыслителей, к трудам Ф.М. Достоевского и Н.А. Бердяева.

Два незаурядных философа своими знаменитыми сочинениями внесли неоценимый вклад в популяризацию русской мысли за рубежом, в частности во Франции. Критически относясь к почерпнутым идеям, всесторонне осмысливая их, А. Жид на страницах своих произведений, в том числе автобиографических (Kučerková, 2012) продемонстрирует полемический талант, несгибаемую нравственную позицию, глубокие знания истории философских и религиозных учений, уважение, а в случае с Достоевским, преклонение перед русским гением. В этой связи, целью данной работы является объективный взгляд на процесс становления религиозно-мировоззренческих и духовно-нравственных концепций и их целостного выражения в критико-публицистическом наследии Андре Жида, нашедших свое отражение как до поездки в Советскую Россию, так и после его возвращения.

Андре Жид и Ф.М. Достоевский

Одним из первых свидетельств, обозначивших магистральную тему творчества писателя, в котором поднимаются вопросы христианской веры и морали, становится публицистическое произведение «Некоторые размышления о литературе и морали» *Reflexions sur quelques points de litterature et de morale*, 1897. Осознавая правильность намеченного пути, молодой литератор знакомится с философскими доктринами Фридриха Ницше, подвергая критике,

вступает в острую полемику, которая заканчивается переломом в мировоззрении Жида, отторжением идей немецкого философа и принятием этики и эстетики русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского (1821-1881), вызывающих широкий резонанс во французском литературном сообществе (Vogué de, 1987; Dubinskaja, 2014, 2015).

Находясь на взлете писательской карьеры, раскрывая творческий потенциал, не доверяя ни признанным метрам французской литературы, ни новомодным бунтарям, искренне веря, что рамки какого-либо литературного течения слишком узки для понимания роли культуры, искусства и литературы в жизни общества, обладая непревзойденным критико-аналитическим умом, Андре Жид всецело погружается в литературно-философское наследие Ф.М. Достоевского. Масштабность задуманного, стойкое желание изучать, популяризировать, прославлять русского гения, впечатляет. Заимствуя идею Ромена Роллана, написавшего «Жизнь Бетховена», дебютант-биограф приступает к «Жизни Достоевского», но ряд серьезных обстоятельств, прежде всего война 1914 года, прерывают его творческие замыслы. Лишь позднее по инициативе Ж. Копо, в год столетия Достоевского Андре Жид с блеском читает несколько лекций в «Старой голубятне» параллельно публикуемые в *La Revue hebdomadaire* (Zhid, 2002). В результате чего, написанное ранее его не устраивает, многие события жизни Достоевского нуждаются в более точной хронологии, проверке, переоценке. Возникает новый замысел – представить философию и личность Достоевского через призму его личной переписки и самых известных произведений Достоевского.

В 1908 году в *Mercur de France* Жид публикует первую часть книги-размышления «Достоевский в его переписке», *Dostoievsky d'après sa correspondance*, (Gide, 1981). Окончательно, в полном варианте она выйдет в издательстве Plon гораздо позднее, в 1923 году (Gide, 1981). Как и намечалось ранее, свой первый опыт изучения философии и творчества Достоевского А. Жид начинает с тщательного аналитического разбора его частной переписки.

Как можно скорее взяться за перо побуждает и то обстоятельство, что личная корреспонденция, подготовленная к изданию другом Федора Михайловича Бьенштоком, вызывает у французского автора существенные замечания. Он считает ее неполной, поскольку отсутствуют письма сугубо интимного характера, которые, по мнению Жида, не дает полной картины приватной жизни Достоевского и как следствие, неглубоко отражает творческое и психологическое состояние писателя. Присущая А. Жиду скрупулезность, беспощадность в работе, а порой и фанатичное преклонение перед гением Достоевского не позволяют ускользнуть и остаться незамеченной ни одной из деталей, которая в той или иной степени связывает личность писателя, как с тайными сторонами его жизни, так и с характерами его всемирно известных персонажей.

Необходимо отметить неоспоримый факт – Достоевский часто «растворяется» в своих героях, что, благодаря наблюдениям констатирует одним из первых зарубежных критиков Андре Жид. Свидетельством тому, по мнению французского писателя, является яркая параллель между самим Достоевским и образом Мармеладова, в один из самых критических моментов жизни автора. Горькое и совершенно безнадежное положение, в котором оказывается Достоевский – безденежье, долги, растерянность, апатия к окружающей его действительности усугубляют душевное состояние Ф.М. Достоевского. Сопереживая ему, А. Жид осознает, в какой моральной безысходности находится Федор Михайлович. Созвучие настроений позволяет Жиду оценивать личные чувства и эмоции, выплескивая их на страницы своих произведений: «... о чем бы он (А. Жид) ни писал – о Ницше или о

Достоевском, о вымышленных героях или о близких друзьях, о гомосексуализме или о разгроме Франции, – он видел себя, собой восхищался или ужасался» (Martin, du Gar, 1951:54).

Сведения, приводимые А. Жидом, почерпнутые из переписки Достоевского и воспоминаний о нем, касаются ли они ранней молодости или политических пристрастий русского романиста, достаточно основательные, сопровождаются точными, обоснованными замечаниями и комментариями.

Очевидно, что причины, побудившие Жиду изучать Ф.М. Достоевского, кроются в особой философии русского писателя, его взглядах на Бога, искушение, «дьявольскую силу», проявляющуюся в индивидуе, играющую важную роль в его формировании, судьбе. Философские вопросы Федора Михайловича: «Что есть человек?», «Где его корни?», «Откуда он приходит?», «Куда уходит?», «Кем был до рождения?», «Что станет с ним после смерти?», «К какой правде нужно стремиться?», «Что есть эта правда?» – для Андре Жида магистральные. Не единожды на страницах своей книги французский автор поднимает проблему, самую мучительную для Достоевского – проблему материального благополучия. Жид указывал на то, что сам Федор Михайлович не раз признавался, что его творческая карьера, да и личная судьба могла сложиться куда более счастливо и успешно, если бы не зависела от денег. А. Жид апеллирует таким фактом – Достоевский не начинает «Братьев Карамазовых» в течение трех лет, так как не может себя заставить творить ради получения гонорара, боясь не закончить работу в предписанные издателем сроки. Без «божьего» вдохновения, являющегося неотъемлемой частью любого творческого процесса, без которого, по мнению Жида, «ничего не совершается», представить трудовые писательские будни Достоевского невозможно. Постоянная борьба с нищетой, сверхъестественная трудоспособность и требовательность к себе позволяют ему, как считает французский критик, ярко проявить свой литературный дар, свое морально-эстетическое кредо.

Жид меняет цель своего исследования, его уже не устраивает прежняя установка написать что-то схожее с биографией или творческим очерком жизни и литературной деятельности Ф.М. Достоевского, он одержим желанием проникнуть в глубины философского и психологического мира Федора Михайловича.

В начале подготовительной работы Андре Жид не без оснований полагает, что, несмотря на явный интерес к Достоевскому, его личности со стороны французской аудитории, он изучен не достаточно успешно и серьезно. Даже крупный знаток и ценитель русской литературы М. де Вогюэ (Vogué de, 1978), открывший французам Пушкина, Тургенева, Гоголя, Толстого считает, что Достоевский, как никто из его великих собратьев по перу «слишком русский писатель», чтобы быть понятным европейскому обществу, если изучать его произведения, то можно ограничиться «Бедными людьми», «Преступлением и наказанием», и «Записками из мертвого дома». М. де Вогюэ, как и многие другие историки, теоретики литературы, уверен, что именно в этих сочинениях можно найти полный сострадания и любви к людям гуманизм русской национальной литературы (Amineva, 2014, 2015), реализм, внимание к «маленькому» человеку, тонкий психологический анализ поступков, мыслей и чувств героев. Другие произведения Достоевского – «Подросток», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы» чужды уму избалованного читателя (Dubinskaja, 2014, 2015). Некоторые специалисты русской литературы, казалось нарочито, создавали мнение, что за сложностью повествования кроется недостаток литературного мастерства русского писателя.

Андре Жид остро полемизирует с ними, считая, что созданное Достоевским «... несколько не теоретично, а погружено в действительность» (Gide, 1981), подмечая, что в авторском стиле Федора Михайловича существует

очевидная потребность создавать между элементами романа как можно «больше отношений и взаимодействий... Мы не видим у него никакого упрощения линии повествования. Ему нравится сложность, он бережет ее. Чувства, мысли, страсти никогда не являются в чистом виде» (Gide, 1981).

Став популяризатором и защитником творчества Достоевского, Жид уверен, что русский классик, наряду с Бетховеном и Рембрантом, один из тех, чье творчество становится гениальнее от произведения к произведению, а роман «Братья Карамазовы» занимает первую строчку в списке шедевров писателя. Предлагаю новый подход в восприятии и понимании русского писателя, Андре Жид прибегает к сравнению его мировоззрения с бальзаковским, подчеркивая их различие и видя причину, кроющуюся в отличии культур, питающих их литературный гений, латинской – у Бальзака и азиатской – у Достоевского, вместе с тем исходящих от единого христианского учения Евангелие.

Опубликовав в *Le Figaro* от 4 апреля 1911 года статью (Gide, 1999), посвященную премьере драмы по мотивам «Карамазовых» и осуществленную Ж. Копо, Андре Жид с уверенностью делает вывод, что первые переводы романа на его родине, в отличие от английских и немецких, не отражают подлинной сути и содержания гениального произведения. Кроме того, вышедший в 1890 году перевод сокращенного варианта сочинения, искажает его идейное содержание, что же касается читательской массы, то она явно не достигла уровня понимания и оценки мирового шедевра.

Продолжая полемику далее, А. Жид полагает, что во французской литературе, бесспорно, есть мыслители-моралисты, говоря о Паскале, Бодлере, Бальзаке, произведения которых близки по духу романам Достоевского. Но у русского писателя каждый персонаж имеет частную жизнь и свой внутренний духовный и психологический мир, который проявляется в связи со средой, народом и его характером, частью которого он является – и в этом проявлении кроется великий секрет Достоевского.

Размышляя о соотношении интеллектуального начала и эмоционального душевного состояния героев Достоевского, Андре Жид справедливо замечает, что Достоевский недоверчиво относится к проявлению уровня интеллектуальных способностей и особенностей его персонажей, самые опасные из которых «... являются также и самыми интеллектуальными. Я хочу сказать не только то, что ум и воля персонажей Достоевского направлены исключительно на зло, но что даже когда они устремлены к добру, добродетель, достигаемая ими, оказывается добродетелью горделивой и ведет к гибели» (Gide, 1981).

В характерах героев многое необъяснимо, непоследовательно, слияние противоречивых чувств персонажей приводит порой к абсурду, они могут получать удовольствие, делая как добро, так и зло (Ставрогин). В этой связи, А. Жид пытается пошатнуть традиционно-сложившееся представление об «идеальном» французском герое, страсти к подобным художественным образам коллег-авторов, с их идеей «боваризма». В подражании Достоевскому, выписывая характеры и поступки своих персонажей – Лафкадио, Алисы, Мишеля, Простаса и других, говоря о двойственности человеческой природы. Жид соглашается с Бодлером, в свое время считавшего, что в каждом из живущих и мыслящих одновременно существуют два позыва – «один к Богу, другой к сатане» (Gide, 1981).

Вопрос о психологическом раздвоении личности индивида, сексуальной ориентации героев, описываемых на страницах произведений (Janecová, Kiššova, 2014) серьезно занимает А. Жида, он посвящает этой малоизвестной детали анализируемых произведений русского автора одну из лекций в «Старой голубятне». Существует ли это раздвоение на самом деле или

это плод воображения Достоевского, который один из первых затрагивает тему патологических, аномальных состояниях человеческой психики. Первопричина дуалистического поведения героев романов Достоевского, по убеждению Жида, является болезнь самого писателя, так или иначе сказавшаяся на его творчестве, духовной жизни, вере. Следует отметить также, что с самого начала литературной карьеры Жида, он регулярно обращал внимание и современную трактовку отклонений той или иной личности. Тем более что его творческий период совпадает по времени с открытиями З. Фрейда в области психоанализа.

Но магистральной остается тема отношения Ф.М. Достоевского и его героев к религии. Именно вопросы веры являются самыми важными, ключевыми в философско-религиозном мировоззрении и творчестве русского мыслителя. Их понимание актуально для самого Жида, ставшие для него неразрешимыми по ряду причин. Протестант по вере, пуританин по воспитанию, будучи еще молодым человеком, он без особого интереса относится к другим вероисповеданиям. В то время Андре занят, прежде всего, эстетическим созерцанием мира в угоду символистического учения, нежели основами философии и религии, серьезно не задумываясь в чем может быть заключена его вера?

Отдавая дань моде на философские и антихристианские взгляды Ницше, Жид, вместе с тем, без особого труда ощущает отсутствие в них гуманистического начала. Он отчетливо понимает, что немецким философом движет лишь безумная, безграничная ревность к Христу, истовое желание написать свое Евангелие. Но в случае с поборниками католицизма и представлениями самого Жида в отношении традиционных постулатов католической церкви, дело обстоит гораздо сложнее. Почувствовав тягу Жида к Господу, друзья-католики, пытаются завоевать его внимание и расположение, усердно навязывая свои мировоззренческие позиции. Такая фигура, как Андре Жид, обращенный в их веру, серьезная победа в стане воинствующих католиков. Почувствовав возрастающее влияние, А. Жид пишет: «У меня было предчувствие духовного дискомфорта, которое позднее создаст для меня Клодель, предчувствие, что он будет давить на меня. Инстинкт самосохранения подсказывал мне быть очень осторожным ...» (Dubnijkova, Kashina, 2016: 14-18).

Убежденный католик Поль Клодель предлагает пойти одной дорогой, чтобы найти «путь к знаниям и истине», к Христу, как воплощению высшей правды и справедливости. Андре Жид испытывавший симпатию к Клоделю, преклоняясь перед его неоспоримым литературным даром, вместе с тем понимает, что его религиозность фанатична, а рвение и напористость в желании овладеть душой Жида тяготит и раздражает. Он, не без горькой иронии, замечает в своем Дневнике от 5 декабря 1905 года: «Помахивая кадиллом, он опускает литературу ... его разговорам нет конца, мысль другого совершенно не способна остановить его, даже выстрел орудия не способен привлечь его внимание к чужим мнениям ...» (Gide, 1996).

Духовно-нравственные идеи, которые проповедует Клодель, не устраивают оппонента, он искренне радуется от осознания, что его утонченная натура не отдается и не обращается в другую веру так легко. В одном из писем Ф. Жамму Жид признается: «Если у Клоделя есть его Бог, то у меня есть «свой» ...» (Gide, 1996). Со свойственной ему смелостью продолжая полемизировать с Клоделем и оставляя надежду на обращение в католическую веру. Но П. Клодель не догадывается, что Жид умело уходит от окончательного и судьбоносного решения. Постоянные призывы католического братства не находят ответа. Вместо этого несостоявшийся брат по вере пишет обличительные сати «Подземелья Ватикана», *Les Caves du Vatican*, 1914 и Клодель понимает всю тщетность затраченных усилий, требуя от Жида убрать

из «Подземелий» некоторые провокационные пассажи, касающиеся католических основ, но произведение увидит свет без этой «чистки».

Особо следует подчеркнуть, что серьезное противление католицизму формируется в сознании Андре Жида по причине полного принятия и признания им мировоззрения Ф.М. Достоевского. Отношения русского философа и писателя к католической вере общеизвестно и оно не смогло не оказаться на взглядах Жила. То, что Достоевский преклоняется перед образом Христа, размышляет о вечности бытия, верует, что в каждом человеке есть божественное начало, понимает всю его сложность и многогранность находит отклик в уме и сердце французского писателя. Христос, по мысли Достоевского и трактовке Жида – это воплощение чистоты и правды, идеал мученика, принявшего страдания, во имя грядущего спасения человечества, он верит, что «... нет ничего прекраснее, глубже, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но ... и не может быть» (Gide, 1999).

Для Андре Жида очевидно, что вера Достоевского ведет человечество к любви, что именно он в понимании Розанова «умел любить ангельской любовью ближнего». Достоевский – фигура сложная и, по признанию Жида, до конца не понятная, «но вера его чиста, он прост и смирен перед Богом» (Gide, 1999). Ответы на все наболевшие творческие и личные вопросы А. Жид ищет и находит ответы в романах Достоевского. В период написания «Саула», Saule, 1903 и «Имморалиста», L'Immoraliste, 1902 автор сталкивается с проблематикой, затронутой русским писателем, а именно наличием у создаваемых образов героев дьявольской, демонической силы.

По Достоевскому, «дьявольское начало» в поступках людей – это не всегда благо. Не случайно «демонической силой» он наделяет слуг, лакеев (Смердяков, Филька, слуга Свидригайлова). Совершая преступления, эти персонажи действуют по велению и разуму других, являясь заложниками чужого менталитета. Из чего Андре Жид делает важный вывод: наделенный преступной «дьявольской силой» – человек, по существу, посредственный, ограниченный. Тот же, кто обладает разумом, интеллектом не действует, а заставляет действовать других. Разумное существо у Достоевского доминирует над судьбами «смердяковых», разжигая их ненависть, выявляя пороки, грехи, безбожие. Это не сверхчеловек Ницше. Раскольников, поделивший в своей статье людей на «ординарных» и «экстраординарных», единственный из героев Достоевского, способный к поступку и совершающий его. Но существенное отличие Раскольникова от «выдуманного» Ницше сверхчеловека в том, что персонаж Достоевского – «тварь божья на земле», он стремится к Богу, верует в него. А. Жид дает понять, что коренное различие философских и религиозных взглядов Достоевского и Ницше кроется в разном определений – «Человека-Бога» и «Бога-человека».

Серьезно, объективно, с присущей ему эрудицией, Жид, тем не менее осторожно приступает к очень важной теме, которую он до того не решался публично обсуждать – о русском народе, его менталитете и вере. С учетом того, что на момент его ярких и во многом дискуссионных выступлений в «Старой голубятне», писатель еще ни разу не побывал в России, его знания ограничиваются историко-публицистическими книгами, прессой, рассказами современников, что существенно ограничивают восприятие им российской действительности. Жид замечает, что вера в особую миссию народа свойственна многим русским писателям, начиная с Пушкина, но особенно ярко она воплощается в творчестве Достоевского.

Религиозное мировоззрение Достоевского, его оптимистические и гуманистические взгляды позволяют ему, как считает Жид, надеяться на новое рождение Христа, на установление царства божия на земле.

«Старый европейский русский», как называл себя сам Ф.М. Достоевский, всегда чувствовал неразрывную связь с историей и культурой отечества. Позиция Достоевского в вопросе европеизации России очень импонирует Андре Жиду. Он тоже поборник традиций, хранящих дух Франции, ее многовековой уклад, выступает за целостность и незыблемость ее истории, культуры, без вмешательства чужеродного интеллектуального протекционизма. Благодаря творческому наследию Федора Михайловича Жид испытывает большой интерес и уважением к России. В будущем эта симпатия в полной мере проявится в поездке в страну советов, принесшей затем горькое разочарование.

Андре Жид и Н.А. Бердяев

Размышления и воспоминания об Андре Жиде, его взглядах и творчестве крупнейший русский религиозный философ Н.А. Бердяев (1874-1948) изложил в своем известном труде «Самопознание» (Berdjaev, 2015).

Интерес, проявленный Бердяевым к сочинениям Жиды, не случаен, так как французский писатель, по мнению философа, был «одним из самых прославленных» и тех немногих, «в творчестве которых большую роль играли религиозные темы» (Berdjaev 2015). Еще до личного знакомства «большое религиозное и моральное беспокойство» Жиды импонирует Бердяеву. В своей статье «Правда и ложь коммунизма. К пониманию религии коммунизма» (Berdjaev, <http://www.odinblago.ru/path/30/1/>), напечатанной в первом номере французского журнала *Esprit*, он пишет: «Жиду, который в то время начал пленяться коммунизмом, моя статья очень понравилась, и он говорит об этом в своем «Journal». Он очень хотел встретиться со мной. Наша беседа была посвящена главным образом русскому коммунизму и отношениям между коммунизмом и христианством. Жид произвел на меня впечатление человека вполне искреннего в приближении к коммунизму. Как у всех лучших французских *intellectuels*, у него было отталкивание и даже отвращение к окружающему буржуазно-капиталистическому миру, он хотел новой жизни, хотел омолодиться. По вопросам социальным Жид мало читал, мало ещё знал коммунистическую литературу и имел мало опыта. В этом отношении я имел явное преимущество перед ним, я сам был марксистом, хорошо знал марксизм, и пережил опыт коммунистической революции. Поэтому в нашем разговоре я был более активен, я говорил больше, и, вероятно произвел на него впечатление человека наступательного» (Berdjaev, 2015:275).

Ему вторит Андре Мальро, размышляя о классовой борьбе в книге «Зеркало лимба»: «Редко бывает, что человек, даже интеллектуально развитый, принимает теорию как таковую – скорее он принимает определенные формы жизни. Присоединение к победившей партии диктуется не только выгодой: дело в том, что эти партии становятся центром коллективной жизни вместо того, чтоб быть центром идеологической. Прочтите «Страницы дневника» А. Жиды. Не связь с Марксом определяет их, а связь с Советским Союзом. Если говорить не об отдельной личности, а об обширном коллективе, то побеждает не идея, а человеческое общество» (Berdjaev, 2015:70).

Будучи человеком пронизательного и трезвого ума, Николай Александрович впоследствии дал одну из самых точных характеристик романисту, считая Жиды, одним из самых прославленных французских писателей, и наряду с этим статусом проявляющего себя человеком застенчивым и робким, не способным к спору. Кроме того, в беседе с ним, в разговорах сложно заметить что-либо «блестящее» и поражающее (Berdjaev, 2015:276). Однако интерес, проявленный русским мыслителем к произведениям авторитетного автора, не был случайным. Бердяев ценил Жиды как одного из немногих писателей-моралистов, в творчестве которого большую роль играли христианские темы и мотивы: «У него большое религиозное и моральное

беспокойство. Но потребность в самооправдании занимала в нем слишком много места. Это пуританин, желающий насладиться жизнью. Его «Journal» – замечательный человеческий документ ... Жид всю жизнь не мог победить в себе пуританской закваски» (Berdjaev, 2015:275-276; Amineva, 2015). В книге «Самопознание» подобное признание нередко, Бердяев часто возвращается к сравнению своего сочинения с дневниковыми записями Андре Жида, находя в них, как общее понимание ключевых вопросов современности, так и возникающие в дискуссии спорные моменты.

Однако в целом, отношение русского философа к творчеству Жида следует признать достаточно критичным. Например, ему не понятно настроение популярного у читателя произведения «Яства земные», *Les Nourritures terrestres*, 1897. Это сочинение, по мнению Николая Александровича, представляет собой «борьбу пуританина с запретами, наложенными на его жизнь», поэтому он убедительно и логично, прежде всего, с нравственной точки зрения, оспаривает представление своего оппонента о праве человека на счастье, которое он заслуживает, принимая во внимание христианские устои и добродетель.

Кроме того, Бердяев одним из первых указывает на проходящую сквозь все произведения Жида линию, линию маниакальной искренности писателя, «оголенность» его автобиографического творчества, а также вполне обоснованно полагает, что «искренность, доведенная до крайности, может оборачиваться рисовкой, некрасивыми, уродливыми признаниями» (Berdjaev, 2015).

Интересным является тот факт, что Николай Александрович, будучи человеком одаренным, всесторонне образованным, также дал свою оценку автобиографическим произведениям писателя, в которых преобладают вопросы духовного и нравственного начала, рассматривает их в сравнении с аналогичными книгами-исповедями Гёте, Руссо, Толстого, считая, например, что мемуары Руссо не вполне «искренняя исповедь», но именно «в этом за ним и следовал Жид» (Berdjaev, 2015).

Очевидно, что в ряде случаев оценка, данная русским философом творческому наследию и вере Жида, является субъективной. Но Николай Александрович Бердяев, безусловно, прав, полагая, что творчество Андре Жида «дает много для познания человека, особенно для познания современного человека» (Berdjaev, 2015).

Андре Жид и Советская Россия

В поисках нового общественного устройства, веры и справедливости, Андре Жид, не отставая от собратьев по литературному цеху, обращает свое внимание на Советскую Россию. Будучи писателем морального поиска, он пытается найти ответы на проблемные вопросы, которые его беспокоят, так или иначе, проявляясь, прежде всего, в социальной жизни французского общества: растущее неравенство, ограничение интеллектуальной свободы в условиях капитализма, популяризация нацизма и различных форм шовинизма, в том числе и в литературе. Изучая теорию марксизма, А. Жид видит решение всех наиболее проблем в принятии коммунистической идеи, формировании коммунистического мировоззрения, как попытки «найти в нем христианскую добродетель» (Lafille, 1954:12). Коммунизм он воспринимает как марксистское «Евангелие».

Первые же размышления о стране Советов Жид излагает на страницах своего «Дневника» от 27 июля 1931: «Мне бы хотелось во всеулышание заявить о моей симпатии к Советскому Союзу. Мне очень важно, чтобы этот крик был услышан, мне хотелось бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть успех этого огромного предприятия. Успеха, которого я желал всей душой, и

для которого мне хотелось бы работать. Увидеть то, что нам может дать государство без религии и общество без семьи. Религия и семья эти два главных врага прогресса» (Gide, 1934: 10).

Задумываясь о вступлении в компартию, передавая эмоциональное состояние, в котором он пребывает, размышляя о советском строе, он пишет: «Не идти просто, куда глаза глядят, а двигаться к определенной цели... Несказанное удовольствие! Но не принял ли я решения вступить в партию задолго до того, как она создалась? ... Сердцем, темпераментом, мыслями я был коммунистом...

Все больше и больше я убеждаюсь, что идея свободы это всего лишь обман, но идея фашизма мне кажется возвратом в прошлое, идея, же Советов – огромный шаг вперед.... Этот дорогой опыт будет представлять интерес для всего человечества... . Одна лишь мысль, что все может прерваться, мне кажется невыносимой» (Gide, 1934: 12).

В 1932 году поборник нового мышления официально вступает во французскую коммунистическую партию. Андре Жид, без тени сомнений, уверен в победе в Советской России социализма, а затем и коммунизма. Об этом свидетельствуют его красноречивые и искренние высказывания: «Мое настоящее убеждение нельзя ли сравнить с верой. Уже давно я разуверился во всякой вере, которая позволяла бы свободно анализировать. Но как раз из этого анализа возникает моя настоящая вера. В нее не привнесено ничего мистического, а просто то, что в ужасающих красках современного мира новая Россия, как мне кажется, приносит то, что может спасти мир. Все меня в этом убеждает! Презренные аргументы ее противников меня не волнуют, а только возмущают. Если бы потребовалась моя жизнь, что бы обеспечить успех СССР, я бы ее сразу отдал» (Voideffre de, 1953:56).

Подобные настроения заставляют его окружение более трезво оценивать свои позиции и умозаключения, как подчеркивает известный французский критик Пьер де Буадеффе, «нет ничего более неоднозначного и противоречивого, чем коммунизм А. Жида» и далее: «Жид мог называть себя коммунистом, не зная марксизма, ни самих марксистов, ни их методов», кроме того «коммунисты явно преувеличивали, полагая, что Жид разделяет их мировоззрение, делая из него символ...

Коммунисты не увидели того, что обращение Жида эфемерно и временно. Как мог Жид оставаться долго приверженцем учения, ограничивающего свободу человека и требующего от своих единомышленников жертвовать индивидуальностью? Коммунизм для Жида не был доктриной, а потребностью его природы и его совсем не интересовал ортодоксальный марксизм. По крайней мере, нельзя было совершать одну ошибку, не следовало было посылать его в СССР летом 1936 года. Там он окончательно потерял свои иллюзии» (Voideffre de, 1953:58).

Вместе с тем, писатель продолжает настойчиво защищать свои взгляды и убеждения: «Я всегда был коммунистом, как сердцем, так и душой, даже когда был верующим и потому мне трудно разделить коммунизм и Христианство, а тем более противопоставить. Не говорите здесь об «обращении», я никогда не изменил своего направления, я всегда шел вперед и продолжаю это делать» (Gide, 1934: 23).

Буадеффе склонен полагать, что «если Жид впоследствии, в какой-то мере искупил свой проступок «честностью» по отношению к советскому опыту, то становиться непонятным, что он так легко был во все это вовлечен» (Voideffre P. de, 1953:61).

Необходимо отметить, что массовый приезд в новую Россию зарубежных авторов стало приметой того времени. В результате чего появлялись разного рода сочинения: Г. Уэлса («Россия во мгле»), Б. Шоу (свой

труд не закончил), А. Барбюса («Сталин»), Т. Драйзера («Драйзер смотрит на Россию»), Л. Фейхтвангера («Москва 1937»).

В Россию Андре Жид едет с Даби, Гийо и другими видными представителями интеллектуальной среды Франции. Отношение к писателю в советской стране было общепризнано, творчество знали и изучали, уважая за писательский талант. Жида, по мнению критика И. Анисимова, почитали за «величайшего» романиста. «Облик» его «напоминал стареющего Гёте» и сам он был «человечный, рассудочный, прекрасный и великий писатель» (Anisimov, 1934:1).

Однако приезд Андре Жида омрачен трагическим событием. В ночь перед прилетом в больнице умирает А.М. Горький, давно пытавшийся найти пути выхода на западную интеллигенцию. Страну захватывал разгул репрессий и показательных судов. Обратной связи для писателя-марксиста не существовало, не смотря на встречу с Роменом Ролланом. Французский друг, зная о ситуации в Советах, у себя на родине хранил молчание. Для больного Горького приезд Жида становится единственной надеждой на возможность диалога с Западом. Но по существу А. Жид приезжает на похороны. На траурном митинге он произносит речь в память о Горьком, которую переводит известный пролетарский поэт Михаил Кольцов. Советская пресса публикует поминальную речь Жида, отдельные фрагменты которой явно смелы и откровенны: «И я думал также, что здесь в Советском Союзе есть нечто новое и неожиданное: до сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем. Более или менее сознательно, с большей или меньшей ясностью он думал, он писал всегда против чего-нибудь. Он не соглашался ничего одобрять. Он вселял в умы и сердца брожение непокорности, мятежа. Сановники власти, если бы они умели предвидеть, без сомнения угадали бы в нём врага. Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот он выражает волю масс, волю всего народа и, что прекраснее всего, – волю его вождей. Эта проблема как бы исчезает и эта перестройка настолько необычна, что разум не может её сразу осознать» (Gide, 1950).

Пресса, находящаяся под строгой цензурой государства, пытается обелить, оправдать, приписываемый писателю индивидуализм, заявляя: «Как не почувствовать себя индивидуалистом в условиях буржуазного общества», характеризуя его творчество: «Жид видит перед собой разнуданность нравов общества, людское безобразие и злобу, общество, где лгут и мошенничают перед самим собой. Его «Дневники» разоблачают ханжество и лживость буржуазной морали, претенциозную тупость мысли, зверскую разнуданность инстинктов. Это говорит человек, творчество которого было исковеркано самыми махровыми формами идеализма» (Anisimov, 1934:5).

Реалии советской действительности отрезвляют Жида. Энтузиазм, восхищение, искренняя вера в коммунистическую доктрину, с которыми он отправляется в поездку, постепенно исчезают. Его шокирует плохо скрываемая нищета, уравниловка, рабское преклонение перед новыми кумирами, тотальное отсутствие свободы и критического отношение к происходящему.

Приехав на родину, Андре Жид излагает свои впечатления в книге «Возвращение из СССР» *Retour de l'URSS*, 1936, взвешенно и смело вынося беспощадный приговор советской власти: «Я сомневаюсь, что в какой-нибудь другой стране, даже в гитлеровской Германии, духовность была бы менее свободной, более терроризированной и униженной чем в СССР» (Gide, 1950:35).

В советском обществе поднимается мощная волна возмущения, не знающая предела. Жид подвергается серьезной обструкции, начиная от

негодующего мнения рабочих и колхозников до видных деятелей искусства и науки. Люди некогда благосклонно и уважительно относящиеся к новому другу России, его искусству слова, теперь видят в нем «нового союзника марокканцев, чернорубашечника, ренегата с нездоровым сознанием, злобного старика, оплакивающего Москву» (Pravda, 1936). В «Правде» от 3 декабря 1936 года в статье «Смех и слёзы А. Жида» анонимный автор пишет: «Он не блондин и не брюнет, а какая-то пегая помесь из старого французского писателя и резвого белогвардейца. ... Действительно устойчивость никогда не была добродетелью этого писателя. ... А. Жид почти всю свою литературную жизнь был чужд широким общественным идеям и идеалам. Он – типичный представитель упадочной буржуазной интеллигенции, влюбленный в самого себя индивидуалист. Он один из самых «угнетённых» писателей Франции, находящий особую прелесть в извращённости» (Pravda, 1936).

Окрестив А. Жида «блудным сыном мелкой буржуазии», автор Литературной газеты добавляет: «Пусть же «психолог» дает себе отчет в том, кто написал эту скандальную книжку» (Literaturnaja gazeta, 1936).

Для писателя наступает время тяжелых испытаний. Часть французских изданий за его свободу мысли, и их искреннее выражение отказывают ему в публикациях. Так поступили «Vendredi», «Le Canard enchaîné», «Лига прав человека». Французский критик Гуэнно, обращаясь к Жиду, по свидетельству Буадеффра, пишет: «Когда Вы три года назад пели дифирамбы коммунизму, я улыбался, сейчас, когда Вы его проклинаете, я тоже улыбаюсь. Я не придавал, как Вы знаете, Вашим политическим способностям большого значения, я не следовал за Вами, ни в каких бы то ни было из Ваших заблуждений. Я постоянно считал, что Вы были самым плохим из политиков. Вы объявляете в настоящее время: «Политика не моя сильная сторона...». Так почему же Вы ей занимались и не отдавали себе отчет в своей некомпетентности ...»

Вы занимались политикой, как и литературой для самопознания ...» (Boideffre de, 1953:62).

П. де Буадеффр, как и многие французские деятели культуры склонен верить, что: «Коммунизм в мыслях Жида своего рода развлечение, а главной его темой остаются тревоги христианина» Boideffre de, 1953:62).

Под тяжестью обрушившейся критики, Жид вынужден признать, что политика не самая «сильная его сторона», вместе с тем в «Дополнениях к книге «Возвращение из СССР», *Retouches à mon Retour de l'URSS, 1937* старается отвести от своего имени несправедливый поток обвинений, он пишет: «Если Советский Союз будет следовать этим же путем, который мы осуждаем в капиталистическом режиме, то он будет полностью восстановлен там» (Gide, 1950::130). Защищаясь, Жид продолжает отстаивать справедливость сказанного ранее «с какой-то безысходной и странной растерянностью» (Malro, 1989::259) воспринимает вести о московских процессах.

Вместе с тем, в его творческих планах возникает идея написать книгу о коммунизме, в которой бы были изложены все христианские, коммунистические, мировоззренческие доктрины автора, для чего он намеревается переписать свое известное произведение «Школа жен», *L'École des femmes, 1929* в некий трактат, с новым идеологическим содержанием. Начавшаяся вторая мировая война накладывает серьезный отпечаток на гражданскую и писательскую активность Андре Жида, находящегося вдали от страдающей родины. Многие и давние оппоненты и по сей день справедливо упрекают его в отсутствии патриотических чувств, предательстве, измене идеалам свободы, с чьим мнением нельзя не согласиться.

Заключение

Своеобразие художественной индивидуальности, самобытности таланта, литературного дара Андре Жида заключается в том, что он ярко выраженный художник самопознания (Tokarev, 1993: 501-510). Ряд публикаций зарубежных исследователей свидетельствует о не проходящем интересе к личности Андре Жида. Перу авторитетных имен в среде научной и творческой интеллигенции, принадлежат критико-аналитического исследования, в которых авторы отстаивают свои точки зрения на духовно-нравственное начало в жизни человека в контексте творческого наследия писателя. «Беспощадный духовный эксгибиционизм», неповторимость художественного стиля, этическая и эстетическая доктрина, система нравственных ценностей вызывали и продолжают вызывать острые дискуссии и противоречивые оценки. Для одних Жид является безусловным гением, классиком, великим стилистом, гуманистом. Для других, например, представителя «нового романа» Филиппа Соллерса – «величайшим из писателей, лишенным гения» (Lafille, 1954:11).

В свете мировоззренческих концепций и отношения к вере, Андре Жид ярко и масштабно анализирует гуманистическое творчество Федора Михайловича Достоевского, почти современника французского писателя, чье гениальное наследие, становится отправной точкой в системе морально-философских взглядов Жида. Задумывая написать книгу о Достоевском для того, чтобы разобраться в собственных мыслях, взглядах, поступках, Андре Жид предстает в ней как глубокий аналитик, знаток и исследователь души русского писателя, связывая свой постоянно растущий интерес к классике с вопросами христианской веры. Общась с Н.А. Бердяевым, он переносит внимание на учение Маркса, а затем на государство нового типа – Советскую Россию, провозглашая себя истинным сторонником коммунистической идеологии. Вместе с тем, понимая, что «безверие приводит к заблуждению» Андре Жид своей жизнью подтверждает, что часто оказывался на острие глубинных противоречий, горьких разочарований, идейных поражений.

Bibliographic references

- AMINEVA, V. R. 2010. Tipy dialogicheskikh otnoshenii mezhdru natsionalnymi literaturami (na materiale proizvedenii russkikh pisatelei vtoroi poloviny XIX v. i tatarskikh prozaikov pervoi treti XX v.). Kazan: Kazan. gos. un-t. 476 p. ISBN: 978-5-98180-809-8.
- AMINEVA, V. R. 2014. «Universal» and «Unique» as the Categories of Comparative Literature. Middle-East Journal of Scientific Research, n. 20 (12), pp. 2094-2098. ISSN: 1990-9233.
- AMINEVA, V. R. 2015. Phenomenon of border in interliterary dialogues. Journal of language and literature (JLL), vol. 6, n. 2, pp. 246-249. ISSN: 2078-0303.
- ANNIBAL, L. 1904. V raju otchajaniija (Andre Zhid). Vesny, n. 10. M.: Tipogr. o-va r.p. knig, pp. 16-39.
- ANISIMOV, I. 1934. GIHL, 16 p.
- BARANOVA, E. G. 2003. Problema avtora v rannem tvorchestve Andre Zhida 1891-1901: diss. kand. filol. nauk: 10.01.05. Nizhnij Novgorod. 210 p.
- BASTIDE, R. 1972. Anatomie d'André Gide. P., PUF.
- BERDJAIEV, N. A. Pravda i lozh' kommunizma. K ponimaniju religii kommunizma. URL: <http://www.odinblago.ru/path/30/1/>
- BERDJAIEV, N. A. 2015. Samopoznanie, SPb., Azbuka. 416 p. ISBN: 9785389104228.
- Chinese Texts and Philosophical Contexts. 1991. 334 p. ISSN 559-0593.
- BOIDIEFFRE, P. DE. 1953. Métamorphose de la littérature de Barrès à Malraux. Paris, Editions Alsatia, pp. 101-189.

- BOIDEFFRE, P. DE. 1970. Vie d'André Gide. 1869-1951. Essai de biographie critique. V.I. André Gide avant la fondation de NFR (1869-1909). Paris.
- DELAY, J. 1956. La jeunesse d'André Gide. V. I. P., Gallimard. 597 p.
- DOUBNYAKOVA, O. A. 2014. Des œuvres autobiographiques en classe; à la recherche de sa parole. Cahiers franco-russes de linguistique et de didactique. Université Paris-Sorbonne, pp. 11-16.
- DUBINSKAJA, M. V. 2014. Pisatel, «sobravshij russkoe serdce»: francuzskie kritiki rubezha XIX-XX vv. o F.M. Dostoevskom». Vestnik TvGU. Serija «Filologija», n. 3, pp. 284-291.
- DUBINSKAJA, M. V. 2015. «Golos» prirody u F.M. Dostoevskogo i Andre Zhida: k pojetike principa trojstvennoj polifonii. Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova, n. 2, pp. 64-67.
- DUBNJAKOVA, O. A. – KASHINA, T. A. 2016. Pisatelskij golos v lichnyh dnevnikah: A. Zhid, P. Klodel, F. Moriak. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. n. 12-3(66), pp. 14-18. ISSN: 1997-2911.
- EROFEEV, V. V. 1975. Dostoevskij i francuzskij ekzistencializm: diss. kand. filol. nauk: 10.01.05. In-t mirovoj literatury im. A.M. Gorkogo, Moskva. 201 p.
- FOKIN, S. L. 2013. Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka. SPb: RHGA. 396 p. ISBN: 978-5-88812-532-8.
- FRIDLENDER, G. M. 1985. Dostoevskij i mirovaja literatura. L.: Sov. pisatel'. 456 p.
- GIDE, A. 1934. Pages de journal 1929-1932, 19-ème éd. Paris, Gallimard.
- GIDE, A. 1950. Retour de L'URSS suivi de Retouches à mon Retour de L'URSS, Éditions originales séparées en 1936 et en 1937, Collection blanche, Gallimard-memo. 224 p. ISBN : 2070227839.
- GIDE, ANDRE ET MARTIN DU GAR ROGER. 1968. Correspondance, t.1. Paris. 104 p.
- GIDE, A. 1981. Dostoïevsky d'après sa correspondance, Paris, Gaillimard. 198 p.
- GIDE, A. 1996. Journal I, 1887-1925. éd. établie, présentée et annotée par É. Marty. Paris: Gallimard. 1748 p.
- GIDE, A. 1999. Essais critiques (Bibliothèque de la Pléiade). Édition présentée, établie et annotée par P. Masson. P., Gallimard. 637 p.
- GOULET, A. 1987. André Gide en question. Le contemporain capital / André Gide 8. Sur Les Faux-Monnayeurs. P., pp. 15-45.
- GRINSHTEJN, A. L. 1999. Maskaradnost' i francuzskaja literatura XX veka: diss. d-ra filol. nauk: 10.01.05. MGU, Moscow. 379 p.
- GUBAREVA, M. S. 2005. Temy i obrazy dekadansa (J.-K. Gjuismans, O. Uajld, A. Zhid: opyt sopostavitelnogo analiza): diss. kand. filol. nauk: 10.01.03. MGU, Moscow. 198 p.
- ILJUKOVICH, A. N. 1992. Soglasno zaveshchaniju. Zametki o laureatah Nobelevskoj Premii po literature. M.: Kn. Palata. 560 p. ISBN 5-7000-0293-6.
- JANECOVA, E. – KISSOVA, M. 2014. Views on Homosexuality Children's and Young Adults' Literature and its Translation. In XLinguae Journal, vol. 7, issue 2, April 2014, pp. 83-85. ISSN: 1337-8384.
- JERENBURG, I. 2005. Ljudi. Gody. Zhizn'. Tom 2. Kn. 3-4. M.: Tekst. 608 p. ISBN: 5-7516-0434-2.
- KIRNOZE, Z. I. 1977. Francuzskij roman XX veka: (Gody 20-30-e: Problemy zhanra) / Z.I. Kirnoze; Gork. gos. ped. in-t inostr. jaz. im. N.A. Dobroljubova. Gor'kij: Volgo-Vjat. kn. izd-vo. 351 p.
- KIRNOZE, Z.I. 1997. Andre Zhid // Zarubezhnye pisateli. Bibliograficheskij slovar. V 2 ch. 4.1. / Pod red. N.P. Mihal'skoj. M.: Nauka. 476 p.
- KRASAVSHENKO, T. N. 2012. Zhid (Gide) Andre (1869-1951). V sbornike Literaturnaja enciklopedija russkogo zarubezhja Nikoljukin A.N. Centr gumanitarnyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel literaturovedenija INION RAN. M., pp. 28-44.

- LAFILLE, P. 1954. André Gide, romancier, Paris, Hachette.
- LITERATURNAJA GAZETA. 1936. Kuda A. Zhid vozvratilsja iz SSSR. n. 68.
- MALRO, A. 1989. Zerkalo limba: Sbornik. M.: Progress. 520 p. ISBN: 5-01-001582-X.
- MANN, K. 1999. André Gide et la crise de la pensée moderne. P., Grasset.
- MARTIN, DU GAR R. 1951. Notes sur André Gide, 1913-1951. Paris. Gallimard. 151 p.
- MARTIN, C. 1986. Gide. Écrivains de toujours. Paris. 192 p.
- MILJOSHIN, J. A. 1974. Dostoevskij i npravstvennye problemy vo francuzskom romane (10-e – 50-e gg. HH v.): diss. kand. filol. nauk: 10.01.05. L., Leningr. gos. ped. in-t im. A. I. Gercena. 167 p.
- MOCHULSKIJ, K. V. 1999. Krizis voobrazhenija. Tomsk: Vodolej. 416 p. ISBN: 5-7137-0116-6.
- MOUTOTE, D. 1968. Le Journal de Gide et les problèmes du moi (1889-1925).- Paris: PUF. 679 p.
- NELSON, K. – FIVUSH, R. 2004. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory. In Psychological Review, n. 111(2), pp. 486-511. ISSN: 0033-295X.
- NIKITIN, V.A. 1991. Andre Zhid: vehi tvorcheskogo puti // Zhid A. Falshifomonetchiki. Tesnye vrata / Sostav. avtor. predisl. V.A. Nikitin. M.: Progress, pp. 5-15. ISSN: 5-01-002886-7.
- NURKOVA, V. V. 2009. Kulturno-istoricheskij podhod k avtobiograficheski pamjati: diss. ... d-ra psihol. Nauk: 19.00.01. MGU, Moscow. 661 p.
- PETROVA, A. A. – REBROVA, L.N. 2016. Autobiographical memory: genesis, functioning, discursive implementation. In: XLinguae. vol. 6, issue 2, pp. 11-36. ISSN : 1337-8384.
- PETROVA, S. A. 2009. Andre Zhid ob otrazhenii russkoj jazykovoj kartiny mira v proizvedenijah F.M. Dostoevskogo. Vestnik MGPU, Serija Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. pp. 16-20.
- PLUTNIK, A. 1990. Anatomija takih raznyh ubezhdenij. V kn.: Dva vzgljada iz-za rubezha: Perevody. M.: Politizdat. 272 p. ISBN: 5-250-01403-8 / 5250014038.
- PRAVDA. 1936. Smeh i slezy A. Zhida. 3 dekabnja.
- ROSSE, R. 1962. Symbols and civilization: Science, morals, religion, art. N.-Y.: Harbinger book, 243 p.
- RZHEVSKAJA, N. F. 1994. A. Zhid / Istorija vseмирnoj literatury: v 8-mi t. T. 8. M.: Nauka. 848 p.
- SAVELEVA, E. B. 2009. Tvorcestvo A. Zhida v ramkah kursa istorii zarubezhnoj literatury. K 140-letiju so dnja rozhdenija pisatelja: Retrieved from: <http://festival.1september.ru/articles/521902/>
- SAVELEVA, E. B. 2014. Dejksis i anafora kak jelementy aktualizacii avtorskoj pozicij (na materiale avtobiograficheskoj prozy Andre Zhida): diss. kand. filol. nauk: 10.02.05. MPGU, Moscow. 166 p.
- SAVELYEVA, E. B. – LINEVA, E. A. 2015. The author in fiction literature communication. In Xlinguae Journal, vol. 8, issue 3, June, pp. 76-90. ISSN 1337-8384.
- SAVELEVA, E.B. – RYZHOVA, L.P. 2016. Monografija. – Orekhovo-Zuevo. 178 p. ISBN: 978-5-87471-234-1.
- SAGAERT, M. – SCHNYDER, P. 2009. André Gide : l'écriture vive. Pessac : Presses universitaires de Bordeaux, 2009, 168 p. avec un DVD. (Coll. « Horizons génétiques »). ISBN: 978-2-86781-510-2.
- SAGAERT, M. – HEINEMANN, H. 2010. André Gide. Paris: Éditions Alexandrines, mars. (Coll. «Les Écrivains vagabondent»). 255 p. ISBN: 978-2-912319-47-0.

- SHAMNE, N. L. – REBRINA, L. N. 2013. Category of memory: principles of linguistic description. In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, n. 6 (7), pp. 1085-1092. ISSN: 1997-1370.
- SKULJ, J. 2003. Comparative literature and cultural identity. Comparative Literature and comparative Cultural Studies. Purdue University Press, pp. 142–151. ISBN: 1557532907; 9781557532909.
- SUSLOVA, I. G. 2006. Tipologija «romana o romane» v ruskoj i francuskoj literaturah 20-h godov XX veka: diss. kand. filol. nauk: 10.01.08. Perm'. 168 p.
- TIMASHEVA, O. V. 2011. Ot Rable do Ujel'beka / O.V. Timasheva. Biblejskie sjuzhety i evangel'skie motivy u Andre Zhida. Izdatel'stvo: «Aletejja», pp. 232-240. ISBN: 9785914195684.
- TOKAREV, L. N. 1993. Posleslovie. V kn.: Zhid A. Izbrannye proizvedenija. Per. s fr. M., pp. 501-510. ISBN: 5-85220-207-H.
- VELIKOVSKIJ, S. I. 2015. Grani «neschastnogo soznaniya». Teatr, proza, filosofskaja jesseistika, jestetika Al'bera Kamju. M., Izdatel'stvo: Iskusstvo. 208 p. ISBN: 978-5-98712-501-4.
- VISHNJAKOV, A. G. 2013. Dostoevskij i francuzskie pisateli XX veka. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Serija: Filologija. Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija, n. 2, pp. 3-4. ISSN : 2227-8966 (Print), ISSN : 2307-3519 (Online).
- VLADIMIROVA, A. I. 1976. Problema hudozhestvennogo poznanija vo francuskoj literature na rubezhe dvuh vekov (1890-1914). L., Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 96 p.
- VOGUE E.-M. DE. 1897. Le roman Russe / Vte E.-M. de Vogue. 4 Ed. E. Plon, Nourrit et C-ie, Imprimeurs-Editeurs. 351 p.
- VOGUE E.-M. DE. 1978. Les livres russes en France. n 134 (mars) numéro spécial Dostoevski, pp. 9-23.
- ZHID, ANDRE. 1990. Podzemelja Vatikana, Falshivomonetchiki, Vozvrashhenie iz SSSR, sostavlenie i vstupitel'naja stat'ja Tokarev L.N., M.: Moskovskij rabochij. 636 p. ISBN: 5-7693-0374-3.
- ZHID, ANDRE. 1993. Izbrannye proizvedenija. Per. s fr. / Sost., poslesl. L. Tokarev. M.: Panorama. 512 p. ISBN : 5-85220-207-H.
- ZHID, A. 2002. Lekcii v zale Vieux Colombier // Zhid A. Poln. sobr. soch. T. 6. M., TERRA, pp. 246-364. ISBN: 5-275-00623-3.
- ZUSEVA, V. B. 2006. Motivы i sjuzhetnye funkcii personazhej «Besov» F.M. Dostoevskogo v romane «Falshivomonetchiki» Andre Zhida. Novyj filologicheskij vestnik. 2006, n. 3, pp. 232-236.

Words: 8555

Characters: 63 254 (35,14 standard pages)

Assoc. Prof. Elena Alexandrovna Lineva, PhD.
 Assoc. Prof. Elena Borisovna Savelyeva, PhD.
 Assoc. Prof. Tatiana Gennadevna Yusupova, PhD.
 Teaching Methods of Foreign Languages Department
 State University of Humanities and Technology
 22 Zelenaya St.
 142611 Orekhovo-Zuevo
 Moscow region, Russia
 ealinea@mail.ru
 lenaandrei2007@rambler.ru
 justatiana@rambler.ru